

Фатенко (5)

Ай во стольнём во городе во Киёве
Кабы было ле пированьё-столованьё
Да про многия князи, да про богатырей.
Тут сидели-то две жоны, дак две боярони:
Как одна-то была Маринка Чусова вдова,
А друга была Овдотья да дочь Облудишина.
Они пили-то, ели, потешалисе,
Промежду они собой дак проклаждалисе.
Наливала тут Овдотья да зелена вина,
Подавала ле Маринки да Чусовой вдове,
Как сама она за чарой да слово молвила:
«Ищэ што же нам людьми дак засылатисе,
Ищэ што же нам людьми дак заменетисе —
У меня-то ведь есть дак блад ясен сокол,
Блад ясен сокол, да сын Фатенушко,
У тебя-де ведь есть да, право, белá лебедь,
Не можно ле как ведь нам да ныньце род свести?»
Наётмах Маринка цяру ту отводила,
Как сама ёна за цярой да слово молвила:
«Кабы есть у тя кура-то подслепая,
Как по городу ходит да всё юродует,
Кабы звали у его отца-та цюдищём,
Прозовут ныньце его, право, верблюдищем!»
Кабы тут же Евдотье да за беду стало,
За велику ей досаду показалосе.
Да ставала Овдотья да со чесна пиру,
Да пошла она тепереце назад домой,
Повеся ле идёт дак буйной головой,
Потопя ле дёржит дак да очи ясныя,
Очи ясныя держит дак в мать сырьу землю.
Увидал-де ее дак блад ясéн сокол,
Блад ясéн-то сокол да сын Фатенушко,
Он встрецеёт свою матерь родимую:
«Ах ты ой еси, матушка родимая!
Уж ты давеца пошла дак ёчунь весела,

Кабы ноньце идёшь очунь не весела:
Разе место тебе было не по разуму?
Разе стольнички у тебя были не вежливы?
Да поднощички были не очесливы?
Разе винны-то цяры да не доходили,
Але пивные стоканы да не доносили?»
Говорит ему матушка родимая:
«Кабы место-то мне было по разуму,
Кабы стольнички были у меня вежливы,
Да поднощички были у меня очесливы,
А и пивны-ти стоканы да мне доходили,
Да е винныя цяры да мне доносили:
Мы сидели две жоны, дак две боярони,
Наливала я цяру дак зелена вина,
Подавала я Маринки Чусовой вдовы,
Как сама ле я за цярой да слово молвила:
„Как у меня ле ноньце есть да блад ясен сокол,
Блад ясен сокол да сын Фатенушко,
Как у тя ле есть, право, бела лебедь,
Не можно ле нам теперече да род свести?“
Наётмах она цяру ту отводила,
Да сама она за цярой да слово молвила:
„Кабы есть я тя куря-то подслепая,
Как по городу ходит да все юродуёт,
Она кой день зерно найдёт — сыта живет,
Она кой день не найдёт — на то голодна,
Кабы звали ле отца да ноньце цюдищем,
Прозовут ле его ноньце верблюдищём!“
Кабы тут ле Фатенку за беду стало,
За велику ле досаду да показался,
Он юздал-де седлал да коня доброго,
Он двенадцать-де подпруг лошадиных,
Он тринадцету клал черезхребетницу,
Как не для ради басы — да ради крепости:
Не оставил бы его да конь в чистом поли.
Приезжал он к Маринкину ко терему,
Закрычал тут Фатенко да зычным голосом:
«Уж ты ой еси, Маринка да Чусова вдова!
Уж ты дай мне-ка в поли да поединника,

Ты не дашь мне-ка в поли да поединщицька,
Я ведь скрою твой терем да по ёкошечкам!»
У Маринки-то было да нынь деветь сынов,
Как деветь-де сынов, да ясных соколов,
Говорила им Маринка, да ясным соколам:
«Ох вы ой еси, мои да ясны соколы!
Вы пойдите за Фатенком да во чисто поле!»
Говорят ле её да ясны соколы:
«Мы не едем за Фатенком во чисто поле,
Как Фатенкова смерть да ёчуны страшная!»
Говорит-то Маринка да ясным соколам:
«Я бы лучше носила да нынь деветь камней,
А не тех бы носила да я деветь сынов,
Я бы бросила камни да во синё морё,
Кабы сделалась кошоцька подводная,
Да подводная кошоцька розбойная,
Да разбила бы Фатенка да на синём мори».
Да некто не поехал да во чисто полё,
Приежжал-то Фатенко да из чиста поля,
Закрычал-то Фатенко да зычным голосом:
«Ох ты ой еси, Маринка да Чусова вдова!
Выходи-ко ты теперь да вон на юлицу!»
Ак не вышла она да вон на юлицу —
Он ведь скрыл у ей терем да по ёкошечкам,
Да вытаскивал Маринку да вон на улицу,
На одну ле ногу стал, да другу оторвал,
Да остатки трупъё да жеребчу за хвост.

(Зап. Ончуковым Н. Е.: апр. 1902 г., сел. Замежное (Замег) Усть-Цилемской вол. (на р. Пижме) — от Осташова Анкудина Ефимовича, 78 лет.)

Печорские былины / Зап. Н. Е. Ончуков. СПб., 1904.